

84 (51225-411225) 907
B 19

Павел

ВАСИЛЬЕВ

Необходимое
перо

24(5Каз-117213)1907
В 19

Павел
ВАСИЛЬЕВ
*Истребленное
перо*

Избранная
лирика

хф

540414 N

Павлодарская областная
библ
С. Терешинская

Москва
Прогресс-Плеяда
2009

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В19

Предисловие – Д.Г. Санников
Составление – А.Е. Смирнов

Васильев, Павел.
В19 **Ястребиное перо** : избранная лирика ; [сост.
А.Е. Смирнова; предисл. Д.Г. Санникова]. – М. :
Прогресс-Плеяда, 2009. – 80 с.

ISBN 978-5-93006-084-3

В сборнике избранной лирики Павла Васильева (1909–1937) представлены характерные образцы его поэтического творчества: двадцать четыре стихотворения и одна поэма.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

ISBN 978-5-93006-084-3

© Прогресс-Плеяда, 2009
© А.Е. Смирнов, сост., 2009
© Д.Г. Санников, предисл., 2009
© В.Н. Сергутин, оформ., 2009

К 100-летию поэта

Даннид Санников

Мой Павел Васильев

Среди поэтов, загубленных советской властью, Павлу Васильеву, как, может быть, самому из них молодому, было отпущено меньше всего времени для поэтического творчества, каких-то десять лет. Поэт родился 23 декабря 1909 года. Расстрелян — 16 июля 1937 года.

Высказывание Бориса Пастернака о Павле Васильеве, сделанное им 16 октября 1956 года*, возможно, наиболее ярко характеризует поэта:

«В начале тридцатых годов Павел Васильев производил на меня впечатление приблизительно того же порядка, как в свое время, раньше, при первом знакомстве с ними, Есенин и Маяковский.

---

* Впервые опубликовано: Литературная Россия, 11.12.1964.

Он был сравним с ними, в особенности с Есениным, творческой выразительностью и силой своего дара и безмерно много обещал, потому что, в отличие от трагической взвинченности, внутренне укоротившей жизнь последних, с холодным спокойствием владел и распоряжался своими бурными задатками. У него было то яркое, стремительное и счастливое воображение, без которого не бывает большой поэзии и примеров которого в такой мере я уже больше не встречал ни у кого за все истекшие после его смерти годы...»

Не обошел своим вниманием поэта и Осип Мандельштам: «В России пишут я, Пастернак, Ахматова и Павел Васильев»*.

Теперь трудно вспомнить: когда впервые мне так понравились стихи Павла Васильева, что многие из них запомнились наизусть? Может быть, когда в доме появилась книга: Павел Васильев. Стихи и поэмы. Избранное (Алма-Ата: Казахское ГИХЛ, 1964) — с дарственной надписью:

---

* Записал Сергей Рудаков в Воронеже в августе 1935 года.

«Григорию Александровичу, лучшему другу, за Вашу настоящую любовь к творчеству моего мужа Павла Васильева и за спасение поэмы "Христолюбовские ситцы" с глубокой любовью и уважением дарю этот сборник. Е. Вялова-Васильева. 14/IV—64. Москва». Или раньше, когда я купил книгу (и не одну, а две, чтобы подарить своей спутнице): Павел Васильев. Избранные стихотворения и поэмы (М.: ГИХЛ, 1957) — это было первое издание поэта после 20-летнего забвения. А может, еще раньше, так сказать, по наследству от отца.

Мой отец поэт Григорий Санников (1899—1969) с декабря 1935 года по июнь 1937-го работал редактором отдела поэзии и ответственным секретарем журнала «Новый мир». В 1936 году Павел Васильев закончил поэму «Христолюбовские ситцы» и отнес ее в редакцию, где она уже готовилась к печати, когда 6 февраля 1937 года поэт был арестован. Санников вынес из редакции и сохранил поэму. Сразу после реабилитации Павла Васильева (приговор Военной коллегии

15 июля 1937 года отменен 20 июля 1956 года, и дело за отсутствием состава преступления прекращено) Санников отнес поэму в журнал «Октябрь» (где работал с 1946 по 1954 год). Поэма «Христолюбовские ситцы» была опубликована в № 8 1956 года. Машинописную рукопись поэмы Санников передал вдове поэта Елене Алексеевне Вяловой-Васильевой: пожелтевшие, ломкие листы, прошитые суровой ниткой, текст кое-где исправлен синим карандашом (по свидетельству С.И. Гронской). И.М. Гронский, отстраненный от должности главного редактора «Нового мира» в начале 1937 года, в своей книге «Из прошлого...» (М.: Известия, 1991. С. 286) вспоминает: «Личный архив П.Н. Васильева был варварски уничтожен. К счастью, машинописный экземпляр поэмы “Христолюбовские ситцы” сохранил поэт Г.А. Санников, работавший тогда секретарем редакции журнала. По тем временам этот поступок требовал гражданского мужества».

15 февраля 1957 года Павел Васильев был восстановлен в правах члена Союза писателей (по хо-

датайству И.М. Гронского, Б.Л. Пастернака и Г.А. Санникова). 31 января 1961 года в ЦДЛ состоялся первый вечер, посвященный памяти Павла Васильева. Председательствовал на вечере и произнес вступительное слово Григорий Санников.

Разбирая вновь архив отца в связи с его 100-летием, я обратил внимание на небольшую поэму Павла Васильева «Крестьяне» (машинопись на шести страницах). По-видимому, отец забыл о ней. Проверка показала, что эта поэма не была опубликована. После двух моих неудачных попыток опубликовать ее в разных журналах поэму охотно принял «Наш современник», и она появилась в номере 12 2001 года.

От отца я слышал, что Павел Васильев был арестован на следующий день после того, как за столиком в ресторане прочитал свое стихотворение-экспромт, в котором была рифма «грузин — апельсин». Этот экспромт так и остался неизвестным (известен другой памфлет на Сталина). Было ли это или не было? Теперь установить невозможно. Но зачем тогда так торопились с арес-

том Павла Васильева (6 февраля), не имея даже ордера на арест (его выписали задним числом — 8 февраля)?

Мне бы хотелось завершить это краткое предисловие своеобразным венком памяти поэта, составленным из фрагментов его стихотворений.

Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нем растут цветы.
Готовое пойти на плаху,
О кости черствые с размаху
Бьет сердце — пленник темноты.

«Сердце»

Дари, дари, мне рыжая, цветы!
Зеленые прижал я к сердцу стебли,
Светлы цветов улыбки и чисты —
Есть в них тепло сердечной простоты,
Их корни рылись в золоте и пепле.

«Август»

У этих цветов
Был неслыханный запах,
Они на губах

Оставляли следы,
Цветы эти, верно,
Стояли на лапах
У черной,
Наполненной страхом воды.

«Дорога»

О, как они любимы нами!
Я думаю: зачем свое
Укрытое от бурь жилье
Мы любим украшать цветами?
Не для того ль, чтоб среди зимы
Глазами злыми, пригорюнясь,
В цветах угадывали мы
Утраченную нами юность?
Не для того ль, чтоб сохранить
Ту необорванную нить,
Ту песню, что еще не спета,
И на мгновенье возвратить
Медовый цвет большого лета?

«Лето»

От свежака пенноголова,
Вода шаталась не спеша,

Густого цвета золотого,
И даже в пригоршне ковша
Она еще была медова...
Она еще была, как ты,
Любимая,
Забьго имя, —
Не оттого ль в горчичном дыме,
По-псиному разинув рты,
Торчком,
С глазами кровяными
Восстали поздние цветы!

«Христоролюбовские ситцы»

От составителя

Поэтические сборники Павла Васильева издавались неоднократно и, как правило, с подробными предисловиями, биографическими данными, комментариями. Однако широкий читатель знает Павла Васильева несравнимо меньше, чем, например, Пастернака и Ахматову, а ведь к ним (и к себе) причислял поэта Осип Мандельштам в 1935 году. Дело в том, что помимо лирики Павел Васильев тяготел к эпосу и именно в этом был особенно силен. Он автор больших поэм, чтение которых требует от читателя и времени, и соответствующей склонности. Кроме того, поэт отдал дань гражданским темам своей эпохи. Нам хотелось отнестись к наследию Павла Васильева избирательно: составить небольшой сборник лири-

ческих произведений, в которых наиболее ярко раскрывается талант поэта: упоение хмелем бытия, разноцветьем, многозвучьем, природным жаром. Все это выражено в слове сильном, раскованном, образном.

Двадцать четыре стихотворения и одна поэма составляют этот небольшой по объему сборник, который, мы надеемся, прочтет каждый.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

6 апреля 1935

5404/4

Павлодарская областная
библиотека
С. Тореганов

ГОЛУБИ

Было небо вдосталь черным,
Стало небо голубей,
Привезла весна на двор нам
Полный короб голубей.
Полный короб разнокрылый —
Детства, радостной родни,
Неразборчивой и милой
Полный короб воркотни.
Приложил я к прутьям ухо —
Весел стал, а был угрюм,
Моего коснулся слуха
Ожиданья душный шум.

Крышку прочь! Любовью тая,
Что наделала рука!
Облачком гудящим стая
Полетела в облака.

1927

Павлодар

* * *

Глазами рыбьими поверья
Еще глядит страна моя,
Красны и свежи рыбы перья,
Не гаснет рыба чешуя.

И в гнущихся к воде ракетах
Ликует голос травяной —
То трубами полков разбитых,
То балалаечной струной.

Я верю — не безноги ели,
Дорога с облаком сошлась,
И живы чудища доселе —
И птица-гусь, и рыба-язь.

1928. Омск

К МУЗЕ

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб видно было море-океан,
Чтоб доносило ветром дальний запах
Матросских трубок, песни поморян.

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары — золотая мгла.

Граничные веками зеркала...
Потребуй же, чтоб шла она на запад
И встретиться с варягами могла.

Гори светлей! Ты молода и в силе,
Возле тебя мне дышится легко.

Построй мне дом, чтоб окна запад пили,
Чтоб в нем играл заморский гость Садко
На гусях мачт коммерческих флотилий!

1928

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письма.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узора и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца,
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

1929

СЕСТРА

В луговинах по всей стране
Рыжим ветром шумят костры,
И, от голода осатанев,
Начинают петь комары.
На хребтах пронося траву,
Осетры проходят на юг,
И за ними следом плывут
Косяки тяжелых белут.
Ярко-красный теряет пух
На твоём полотенце петух.
За твоим порогом — река,
Льнут к окну твоему облака,
И поскрипывает, чуть слышна,

Половицами тишина.
Ой, темно иртышское дно, —
Отвори, отвори окно!
Слушай, как водяная мышь
На поёмах грызет камыш.
И спокойна вода, и вот
Молчаливая тень скользнет:
Это синие стрелы щук
Бороздят лопухи излук,
Это всходит вода ясней
Звонкой радугой окуней.
...Ночь тиха, и печаль остра,
Дай мне руки твои, сестра.
Твой родной, постаревший дом
Пахнет медом и молоком.
Наступил нашей встречи срок,
Дай мне руки, я не остыл,
Синь махорки моей — дымок
Пусть взойдет, как тогда всходил.
Под резным глухим потолком
Пусть рассеется тонкий дым,
О далеком и дорогом

Мы с тобою поговорим.
Горячей шумит разговор, —
Вот в зеленых мхах и лугах
Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях.
По траве, по корявым пням
Юность мчится навстречу нам,
Расплеснулись во все концы
С расписной дуги бубенцы!
Проплывает туман давно.
Отвори, отвори окно!
Слушай, как тальник, отсырев,
Набирает соки заре.
Закипевшей листвою пыля,
Шатаются пьяные тополя,
Всходит рыжею головой
Раньше солнца подсолнух твой.
Осыпая горячий пух,
С полотенца кричит петух...
Утро, утро, сестра, встречай,
Дай мне руки твои. Прощай!

1930

ПЕСНЯ

В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.

На косых путях мороза
Ни огней, ни дыму нет,
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.

Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя ж огонь еще:
В темном золоте светлица,

Синий свет в сених толпится,
Дышат шубы горячо.

Отвори пошире двери,
Синий свет впусти к себе,
Чтобы он павлиньи перья
Расстелил по всей избе.

Чтобы был тот свет угарен,
Чтоб в окно, скуласт и смел,
В глазах сосен вместо стрел,
Волчий месяц, как татарин,
Губы вытянув, смотрел.

Сквозь казацкое ненастье
Я брожу в твоих местах.
Почему постель в цветах,
Белый лебедь в головах?
Почему ты спишься, Настя,
В лентах, в серьгах, в кружевах?

Неужель пропащей ночью
Ждешь, что снова у ворот

Потихоньку захохочут
Бубенцы и конь заржет?

Ты свои глаза открой-ка —
Видишь друга неужель?
Заворачивает тройки
От твоих ворот метель.

Ты спознай, что твой соколик
Сбился где-нибудь в пути.
Не ему во тьме собольей
Губы теплые найти!

Не ему по вехам старым
Отыскать заветный путь,
В хуторах под Павлодаром
Колдовским дышать угаром
И в твоих глазах тонуть!

1932

* * *

Мню я быть мастером, затосковав о трудной
работе,
Чтоб останавливать мрамора гиблый разбег
и крушенье,
Лить жеребцов из бронзы гудящей,
с ноздрями, как розы,
И быков, у которых вздыхают острые ребра.
Веки тяжелые каменных женщин не дают
мне покоя,
Губы у женщин тех молчаливы, задумчивы
и ничего не расскажут,
Дай мне больше недуга этого, жизнь, — я не
хочу утоленья,

Жажды мне дай и уменья в искусной этой
работе.

Вот я вижу, лежит молодая, в длинных
одеждах, опершись о локоть, —

Ваятель теплого, ясного сна вокруг нее
пол-аршина оставил,

Мальчик над ней наклоняется, чуть
улыбаясь, крылатый...

Дай мне, жизнь, усыплять их так крепко —
каменных женщин.

Июнь 1932

* * *

Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,
Дай мне руку, а я поцелую ее.
Ой, да как бы из рук дорогих не упало
Домотканое счастье твое!

Я тебя забывал столько раз, дорогая,
Забывал на минуту, на лето, на век, —
Задыхаясь, ко мне приходила другая,
И с волос ее падали гребни и снег.

В это время в дому, что соседям на зависть,
На лебяжьих, на брачных перинах тепла,
Неподвижно в зеленую темень уставясь,
Ты, наверно, меня понапрасну ждала.

И когда я душил ее руки, как шеи
Двух больших лебедей, ты шептала: «А я?»
Может быть, потому я и хмурился злее
С каждым разом, что слышал, как билась твоя

Одинокая кровь под сорочкой нагретой,
Как молчала обида в глазах у тебя.
Ничего, дорогая! Я баловал с этой,
Ни на каплю, нисколько ее не любя.

1932

Лидия Гисвинон

Не добратья к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла,
Все равно в этом гиблом, пропадаем снегу
Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом.

Я над теплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставлю в прическе — и всё же
Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье похожа.

Но вернуть я тебя ни за что не хочу,
Потому что подвластен дремучему краю,
Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на Север дорогу себе выбираю!

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжем,
Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной!
Мы любви не споем и признаний не скажем.

Звонким пухом и синим огнем селезней,
Чешуей, чешуей обрастай по колено,
Чтоб глазок петушиный казался красней
И над рыбьими перьями ширилась пена.

Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос, — не доносило,
Чтоб огнями и тьмою, и рыжей волной
Позади, за кормой, убегала Россия.

1932

Сначала пробежал осинник,
Потом дубы прошли, потом,
Закутавшись в овчинах синих,
С размаху в бубны грянул гром.

Плясал огонь в глазах саженных,
А тучи стали на привал,
И дождь на травах обожженных
Копытами затанцевал.

Стал странен под раскрытым небом
Деревьев пригнутый разбег,
И всё равно как будто не был,
И если был — под этим небом
С землей сравнялся человек.

1932

* * *

Какой ты стала позабытой, строгой
И позабывшей обо мне навек.
Не смейся же! И рук моих не трогай!
Не шли мне взглядов длинных из-под век.
Не шли вестей! Неужто ты иная?
Я знаю всю, я проклял всю тебя.
Далекая, проклятая, родная.
Люби меня хотя бы не любя!

1932

* * *

Вся ситцевая, летняя, приснись.
Твое позабываемое имя
Отыщется одно между другими.
Таится в нем немеркнущая жизнь:
Тень ветра в поле, запахи листвы,
Предутренняя свежесть побережий,
Предзорный отсвет, медленный и свежий,
И долгий посвист птичьей тетивы,
И темный хмель волос твоих еще.
Глаза в дыму. И, если сон приснится,
Я поцелую тяжкие ресницы,
Как голубь пьет — легко и горячо.

И, может быть, покажется мне снова,
Что ты опять ко мне попала в плен.
И, как тогда, все будет бестолково —
Веселый зной загара золотого,
Пушок у губ и юбка до колен.

1933

* * *

Я тебя, моя забава,
Полюбил, — не прекословь.
У меня — дурная слава,
У тебя — дурная кровь.
Медь в моих кудрях и пепел,
Ты черна, черна, черна.
Я еще ни разу не пил
Глаз таких, глухих до дна,
Не встречал нигде такого
Полнолуниного огня.
Там, у берега родного,
Ждет меня моя родня:

На болотной кочке филин,
Три совенка, две сестры,
Конь — горячим ветром взмыден,
На кукане осетры,
Яблоновый день со смехом,
Разрумяненный, и брат,
И в подбитой лисьим мехом
Красной шапке конокрад.

Край мой ветренен и светел.
Может быть, желаешь ты
Над собой услышать ветер
Ярости и простоты?
Берегись, ведь ты не дома
И не в дружеском кругу.
Тропы все мне здесь знакомы:
Заведу и убегу.
Есть в округе непутевой
Свой обман и свой обвес,
Только здесь затейник новый —
Неручной ученый бес.

Не ясны ль мои побудки?
Есть ли толк в моей родне?
Вся округа дует в дудки,
Помогает в ловле мне.

1933

* * *

Не знаю, близко ль, далеко́ ль, не знаю,
В какой стране и при луне какой,
Веселая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.
Мед вечеров — он горестней отравы,
Глаза твои — в них пролетает дым,
Что бабы в церкви — кланяются травы
Перед тобой поклоном поясным.
Не мной ли на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой?
Так в сказках наших в воды колдовские
Ныряет гусь за золотой серьгой.

Мой голос чист, он по тебе томится
И для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей
И щучьим повелением явись!

1933

* * *

В степях немятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть, —
Одену руку в рукавицу,
Горячую, как волчья пасть,

Плечистую надену шубу,
И вспомяну любовь свою,
И чарку поцелуем в губы
С размаху насмерть загублю.

А там за крепкими сенями
Людей попутных сговор глух.
В последний раз печное пламя
Осыплет петушиный пух.

Я дверь раскрою, и потянет
Угаром банным, дымной тьмой...
О чем глаз на глаз нынче станет
Кума беседовать со мной?

Луну покажет из-под спуда,
Иль польницей растопит лед,
Или синиц замерзших грудю
Из рукава мне натрясет?

1933

* * *

По́ снегу сквозь темень пробежали
И от встречи нашей за версту,
Где огни неясные сияли,
За руку простились на мосту.

Шла за мной, не плача и не споря,
По́д небом стояла, как в избе.
Теплую, тяжелую от горя,
Золотую притянул к себе.

Одарить бы на прощанье — нечем,
И в последний раз блеснули и,
Развязавшись, поползли на плечи
Крашенные волосы твои.

Звезды Семиречья шли над нами.
Ты стояла долго, может быть,
Девушка со строгими бровями,
Навсегда готовая простить.

И смотрела долго и следила
Папиросы наглый огонек.
Не видал. Как только проводила,
Может быть, и повалилась с ног.

А в вагоне тряска, дорогая,
И шумят. И рядятся за жизнь.
И на полках, сонные, ругаясь,
Бабы, будто шубы, разлеглись.

Синий дым и рыжие овчины,
Крашенные горечью холсты,
И летят за окнами равнины,
Полустанки жизни и кусты.

Выдаст, выдаст этот дом шатучий!
Скоро ли рассвет? Заснул народ.
Только рядом долго и тягуче
Кто-то тихим голосом поет.

Он поет, чуть прикрывая веки,
О метелях, сбившихся с пути,
О друзьях, оставленных навеки,
Тех, которых больше не найти.

И еще он тихо запеваёт,
Холод расставанья не тая,
О тебе, печальная, живая,
Полная разлук и встреч земля!

1933

* * *

Опять вдвоем,
Но неужели,
Чужих речей вином пьяна,
Ты любишь взрытые постели,
Моя монгольская княжна!
Напрасно, очень может статься...
Я не дружу с такой судьбой.
Я целый век готов скитаться
По шатким лесенкам с тобой,
И слушать —
Как ты жарко дышишь,

Забыв скрипучую кровать,
И руки, чуть локтей повыше,
Во тьме кромешной целовать.

Февраль 1934

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,
И походку важную твою.

А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась, —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Всё в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ.
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,

Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожейю гусиной,
На ногах мозоли от обив.

Лето пьет в глазах ее из брашен.
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?

Это петъ невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального надень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

Май 1934

ИРТЫШ

Камыш высок, осока высока,
Тоской набух тугой сосок волчицы,
Слетает птица с дикого песка,
Крылами бьет и на волну садится.

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей —
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.

Светла твоя подводная гроза,
Быстры волны шатучие качели,

И в глубине раскрытые глаза
У плавуна, как звезды, порыжели.

И в погребах песчаных в глубине,
С косою до пят, румяными устами,
У сундуков незапертых на дне
Лежат красавки с щучьими хвостами.

Сверкни, Иртыш, их перстнем золотым!
Сон не идет, заботы их не точат,
Течением относит груди им,
И раки пальцы нежные щекочут.

Маши турецкой кистью камыша,
Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша,
Одним тобой, красавец остроскулый,
Оставив целым меду полковца,
Роскошествуя, лето потонуло.

Мы встретились. Я чалки сам отдам,
Я сердца вновь вручу тебе удары...
По гребням пенистым, по лебедям
Ударили колеса «Товар-пара».

Он шел, одетый в золото и медь,
Грудастый шел. Наряженные в ситцы,
Ладонь к бровям, сбегались поглядеть
Досужие приречные станицы.

Как медлит он, течение поборов,
Покачиваясь на волнах дородных...
Над неоглядной далью островов
Приветственный погуливает рев —
Бродячий сын компаний пароходных.

Катайте бочки, сыпьте в трюмы хлеб,
Ссыпайте соль, которою богаты.
Мне б горсть большого урожая, мне б
Большой воды грудные перекаты.

Я б с милой тоже повстречаться рад —
Вновь распознать, забытые в разлуке,
Из-под ресниц позолоченный взгляд,
Ее волос могучий перекат
И зноем зацелованные руки.

Чтоб про других шепнула: «Не вини...»
Чтоб губ от губ моих не отрывала,

Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржа́х печально зажигала.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слез на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны!

1934

* * *

Учительница, изю всех профессий
Запомниться лишь эта мне смогла.
Учительница? С бантом? Где-то в детстве?
Но ты другая. Маша, ты как песня.
Каким ты светом, Машенька, светла?
Как снег глубок! Как неуклюжи шубы!
Как косолапы валенок следы!
Ответь, Мария, Маша! Почему бы,
Когда гляжу в глаза твои и губы,
Мне сразу вспоминаются сады?

Сады в июне плещущие, летом,
За полудень, немного погода,
А может быть, сады перед рассветом...
...Сады в цвету, сады после дождя...

1934

* * *

Н. Г.

То легким, дутым золотым браслетом,
То гребнями, то шелком разогретым,
То взглядом недоступным и косым
Меня зовешь и щурись — знать, нечем
Тебе платить годам широкоплечим,
Как только грустным именем моим.

Ты колдовство и папорот Купала
На жемчуга дешевые сменяла —
Тебе вериг тяжеле не найти.
На поводу у нитки-душегубца
Иди, спешь. Еще пути найдутся,
А к прежнему затеряны пути!

Май 1935

Москва

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Вёсны возвращаются! И снова,
На кистях черемухи горя,
Губ твоих коснется несурово
Красный, окаянный свет былого —
Летняя высокая заря.

Вёсны возвращаются! Весенний
Сад цветет —
В нем правит тишина.
Над багровым заревом сирени,
На сто верст отбрасывая тени,
Пьяно закачается луна —

Русая, широкая, косая,
Тихой ночи бабья голова...

И тогда,
Лучом груди касаясь,
В сердце мне войдут твои слова.

И в густых ресниц твоих границе,
Не во сне,
Не в песне — наяву,
Нежною июньскою зарницей
Взгляд твой черно-синий
Заискрится. —
Дай мне верить в эту синеву!

Я клянусь,
Что среди ночей мгновенных,
Всем метелям пагубным назло,
Сохраню я —
Молодых, бесценных,
Дрогнувших,
Как дружба неизменных —
Губ твоих июньское тепло!..

1936

* * *

Елене

Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом северном краю.

Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листья,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё...»

Февраль 1937

Лубянка. Внутренняя тюрьма

П О Э М А

ЛЕТО

1

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.
Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели до-о-лго
Их золоченые глаза.
Возы прошли по гребням пенным
Высоких трав, в огнях, в пыли,
Как будто вместе с первым сеном
Июнь в деревни привезли.
Он выпрыгнул, рудой, без шубы,

С фиалками заместо глаз,
И, крепкие оскалив зубы,
Прищурившись, смотрел на нас.
Его уральцы, словно друга,
Сажали в красные углы,
Его в вагонах красных с юга
Веселые везли хохлы.
Он на перинах спал, как барин,
Он мылся ключевой водой,
В ладони бил его татарин
На ярмарке под Куяндой.
Какой пригожий!

А давно ли

В цветные копны и стога
Метал январь свои снега
И на свободу от неволи
Купчиху-масленицу в поле
Несла на розвальнях пурга!
Да и запомнится едва ли
Еще таких людских затей,
Чтоб сани по ветру пускали,

Как деревянных лебедей?
Но сквозь ладонь взгляни на солнце
Весь мир в березах, в камыше,
И слаще, чем заря в оконце,
Медовая заря в ковше.
Когда же яблоня опала?
А одуванчик? Только дунь!
Под стеганные одеяла
К молодкам в темень сеновала
Гостить повадился июнь.
Ну, значит, ладны будут дети,
Желтоволосы и крепки,
Когда такая сладость в лете,
Когда в медовом, теплом свете
Сплетает молодость венки.
Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Ты, может, не один в России
Такую сказку полюбил.
Да то не сказка ль, что по длинной
Дороге в травах, на огонь,

Играя, в шубе индюшиной,
Без гармониста шла гармонь?
Что ель шептала: «Я невеста»,
Что пух кабан от пьяных сал,
Что статный дуб сорвался с места
И до рассвета проплясал?

2

Мы пьем из круглых чашек лето.
Ты в сердце вслушайся мое,
Затем так смутно песня спета,
Чтоб ты угадывал ее.
У нас загадка не простая...
Ты требуй, вопрекор молве,
Чтоб яблони сбирались в стаи,
А голуби росли в траве.
Чтоб на сосне в затишье сада
Свисала тяжело гроздь сорок, —
Всё это сбудется, как надо,
На урожайи будет срок!
Ну, а пока не стынет в чашке

Зари немеркнущая гладь,
Пока не пробудилась мать,
Я буду белые ромашки,
Как звезды в небе, собирать.
Послушай, синеглазый, — тихо...
Ты прошепчи, пропой во мглу
Про то монашье злое лихо,
Что пригорюнилось в углу.
Крепки, желтоволосы дети,
Тяжелый мед расплескан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!

3

Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый проблеск седины,
И первые морщины наши.
Но посмотри на этот пруд —
Здесь будет лед, а он в купавах.

И яблони, когда цветут,
Не думают о листьях ржавых.
Я снег люблю за прямоту,
За свежесть звезд его падучих
И ненавижу только ту
Ночей гнилую теплоту,
Что зреет в задремавших сучьях.
Так стережет и нас беда...
Нет, лучше снег и тяжесть льда!
Гляди, как пролетают птицы,
Друг друга за крыло держа.
Скажи, куда нам удалиться
От гнили, что ползет, дрожа,
От хитрого ее ножа?
Послушай, за строною синей,
В лесу веселом и густом,
На самом дне ночи павлиньей
Приветливый я знаю дом.
С крылечком узким вместо лапок,
С окном зеленым вместо глаз,
Его цветов чудесный запах

Еще доносится до нас,
От ветра целый мир в поклонах.
Все люди знают, знаешь ты,
Что синеглазые цветы
Растут не только на иконах.
Их рисовал не человек,
Но запросто их люди рвали,
И если падал ранний снег,
Они цвели на одеяле,
На шалях, на ковре цвели,
На белых кошмах Казахстана,
В плену затейников обмана,
В плену у мастеров земли.
О, как они любимы нами!
Я думаю: зачем свое
Укрытое от бурь жилье
Мы любим украшать цветами?
Не для того ль, чтоб средь зимы
Глазами злыми, пригорюнясь,
В цветах угадывали мы
Утраченную нами юность?

Не для того ль, чтоб сохранить
Ту необорванную нить,
Ту песню, что еще не спета,
И на мгновенье возвратить
Медовый цвет большого лета?
Так, прислонив к щеке ладонь,
Мы на печном, кирпичном блюде
Заставим ластиться огонь.
Мне жалко, — но стареют люди...
И кто поставит нам в вину,
Что мы с тобой, подруга, оба,
Как нежность, как любовь и злобу,
Накопим тоже седину?

4

Вот так калитку распахнешь
И вздрогнешь, вспомнив, что, на плечи
Накинув шаль, запрятав дрожь,
Ты целых двадцать вёсен ждешь
Условленной вчера лишь встречи.

Вот так, чуть повернув лицо,
Увидишь теплое сиянье,
Забытых снов и звезд мельканье,
Калитку, старое крыльцо.
Река блеснет, блеснет кольцо,
И кто-то скажет: «До свиданья!..»

30 июня 1932

Круцево

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Даниил Санников. Мой Павел Васильев</i>	5
От составителя	13

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Родительница степь, прими мою...»	17
Голуби	18
«Глазами рыбьими поверья...»	20
К музе	21
«Затерян след в степи солончаковой...»	23
Сестра	25
Песня	28
«Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе...»	31
«Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала...»	33
«Не добратья к тебе! На чужом берегу...»	35

«Сначала пробежал осинник...»	37
«Какой ты стала позабытой, строгой...»	38
«Вся ситцевая, летняя, приснись...»	39
«Я тебя, моя забава...»	41
«Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю...»	44
«В степях немятый снег дымится...»	46
«По снегу сквозь темень пробежали...»	48
«Опять вдвоем...»	51
Стихи в честь Натальи	53
Иртыш	57
«Учительница, изо всех профессий...»	61
«То легким, дутым золотым браслетом...»	63
Лирические стихи	64
«Снегири взлетают красногруды...»	66

ПОЭМА

Лето	69
------	----

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Павел Николаевич Васильев

ЯСТРЕБИНОЕ ПЕРО

Избранная лирика

Художественный редактор *В.Н. Сергунин*

Верстка – *А.А. Шелкова*

Корректор – *А.Н. Морозова*

Оператор – *Ирина Чижикова*

*Информационная поддержка –
журнал «Новое время» («The new times»)*

Подписано в печать 29.07.2009. Формат 70x100¹/₃₂

Бумага офсетная. Гарнитура «Academy». Печ. л. 2,5

Тираж 1000 экз. Зак. № 1630

Издательство «Прогресс-Плеяда»

Гл. редактор *С.С. Лесневский*

125009, Москва, Тверской бульвар, 14, стр. 1, офис 705

Тел./факс: (495) 648-07-86

E-mail: progresspl@yandex.ru

ISBN 978-5-93006-064-3

9 785930 060843

Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»

105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46